

ОКСАНА
АЛЕКСЕЕВА

ВЕТКА

Оксана Алексеева

Ветка

«Автор»

2020

Алексеева О.

Ветка / О. Алексеева — «Автор», 2020

Мечты сбываются! И плохо, когда подобное происходит. Мир на грани вымирания – его бы отмотать назад, к той точке, где чья-то мечта так и не сбылась.

© Алексеева О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

31 декабря. Нижний Новгород	5
19 мая. Подмосковный дачный поселок	7
20 января. Нижний Новгород	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Оксана Алексеева

Ветка

31 декабря. Нижний Новгород

Юленька была очень хорошей девочкой. Она любила музыку, школьные перемены и своих одноклассников. Любила соседку по парте Соню и учительницу по рисованию. Любила пушистых котят и мультфильмы про волшебство. Но больше всех она любила мамочку.

Они вдвоем сидели за новогодним столом и ждали боя курантов. Мамочка напонила, что надо успеть загадать самое заветное желание, и оно обязательно исполнится в будущем году. Маленький стол был заставлен несколькими блюдами: жареная курица, пюре, колбасная нарезка и салат. Юленьку совершенно не волновало, что, возможно, на других столах в эту ночь присутствует более изысканная и разнообразная еда. Она вообще об этом не задумывалась. Мамочка подняла уставший, но искрящийся праздничным настроением взгляд, и Юленька улыбнулась ей в ответ, готовясь загадать желание. Она уже давным-давно не верила в Деда Мороза, не маленькая ведь! Да и Соня однозначно подтвердила эти ее застарелые подозрения. Сейчас она наверняка знала, что это именно мамочка положит под елку для нее новую куклу, или красивый свитер, или цветную книгу. Ей не подарят компьютер, телефон и планшет, как некоторым другим ее одноклассникам, потому что мама просто не может себе позволить подобную покупку. Чудес не бывает. Зато есть мама, которая все делает только ради нее. И Юленька уже была достаточно взрослой, чтобы это понимать и ценить.

На столе в высокой керамической вазе стояла ветка какого-то дерева или куста с синими цветочками. Ее девочка нашла на улице и принесла домой еще вчера, и маме тоже очень понравилась такая находка. Очевидно, кто-то выбросил домашнее растение, название которого им обоим не было известно. Небольшие темные соцветия и зеленые листья заметно ожили, когда ветку поставили в воду. Будто весна пришла в дом посреди зимы.

Куранты разразились боем, а Юленька так и не успела определиться, что же следует загадать. Нет, не новую куклу или книгу. Мама подарит ей то, что может подарить. Хороших оценок? Но круглые отличники не загадывают таких желаний, они уже успели уяснить, что пятерки – продукт труда, а не магии. Может, пожелать маме повышения зарплаты или новую должность? Но Юленька не очень хорошо себе представляла, что конкретно это означает. Например, на прошлой неделе к ним заходила соседка, которую недавно как раз повысили. И она не выглядела слишком счастливой, повторяя: «Люсь, это такой гемор! И командировки, и ответственность. Просто свалили на меня весь шлак, который отдел годами не мог разгрести!». Из соседкиных жалоб девочка решила, что повышение – это не так уж и прекрасно. Может, загадать, чтобы папа вернулся? Но глаза у мамочки всегда становятся очень грустными, когда ее спрашиваешь о папе. Вряд ли она сама мечтает о его возвращении. Жаль, что Юленька еще не до конца понимала, что же нужно самому любимому ее человеку. Но она была очень хорошей девочкой и, быть может, слишком серьезной для своих восьми лет. Поэтому зажмурилась и мысленно, но как можно более отчетливо, произнесла: «Хочу, чтобы исполнилось мамино желание!». Уф, успела.

Ее мать, уже порядком уставшая от текущих проблем, была более прагматичной. И она тоже не верила в чудеса. Вот только если бы похудеть... килограммов на десять, то появилась бы надежда, что личная жизнь наладится. Начальник отдела, привлекательный и по-спортивному подтянутый ее ровесник, мог бы тогда обратить на нее внимание. Похудеть – это вполне реально! Надо только сейчас пожелать, а потом, сразу после окончания праздников, поставить

себе эту цель. Любой самый сложный путь начинается с твердого намерения. И тогда... До чего же необычная эта веточка с синими цветочками, просто чудо!

19 мая. Подмосковный дачный поселок

Родители так и не вернулись. Пять дней назад они ушли на поиски провианта, и голод уже давно превысил страх за них. Они вряд ли уцелели, и если мне посчастливится пережить этот хаос, я потом успею их оплакать. Но до тех пор, пока не узнаю точно, что они мертвы, не перестану надеяться.

Отцовская паранойя, служившая предметом насмешек всех друзей и знакомых много лет, спасла нас. Он, какого-то черта уверовав в прогнозируемый желтой прессой апокалипсис, выстроил небольшой бункер недалеко от нашего дачного участка, в километре от последнего строения, прямо посреди лесного массива. И сейчас приходилось жалеть только об одном – что мы с матерью не поддерживали его, что не помогли скопить достаточно запасов и оружия, что были слишком наивны в своем оптимизме. Но когда все началось, нам, в отличие от многих других, было где спрятаться. И только поэтому мы протянули так долго. Однако запасы закончились, поэтому родители уже дважды выходили наружу, но возвращались через несколько часов. А это была их третья вылазка. До сих пор получалось найти продукты в еще не полностью разоренном местном магазинчике или у кого-то на брошенной даче. Единственное оружие, старую двустолку, оставили мне. Я, благодаря папиным стараниям, умела стрелять с детства. Но патронов было слишком мало.

Через пять дней их отсутствия и два дня после того, как я прикончила остатки пищи, ощущая подкашивающий голод и понимая, что другого выхода нет, я наконец-то решилась тоже выйти наружу. Волнение за родителей я успела выплакать раньше, но продолжала убеждать себя, что благословенная папина паранойя, скорее всего, лучшее оружие в новом мире. Если даже она их не защитила, то для всего остального человечества вероятность выжить нулевая.

Мутило, но глоток несвежей воды вернул силы. Недавно рассвело, и глаза, отвыкшие от солнца, долго привыкали к свету. Мы с родителями так и не выяснили, зависит ли активность тварей от времени суток, но единогласно пришли к выводу, что днем у нас больше шансов. В темноте, да еще и с их скоростью, у них явное преимущество. Оружие я держала наизготове и прислушивалась к каждому шороху, осторожно продвигаясь к дачному поселку. Тварь я заприметила издали, когда уже, шатаясь, кралась по первой улочке. Она что-то с удовольствием поглощала, причмокивая и тихо рыча, но, учуяв меня, подняла морду, приносясь. Я замерла, приготовившись стрелять, но тварь вернулась к своей трапезе. Я знала эту женщину раньше, хоть сейчас и не могла вспомнить ее имя. А теперь она уже мало чем напоминала человека: почти голая – какие-то ошметки одежды еще болтались на ней, лысая, со звериным оскалом и стекающей из раззявленного рта слюной. Я не приглядывалась к тому, что она ела. Собственно, завтракала она пойманной собакой, человеком или другой тварью – особого значения не имело. Главное, что это блюдо в ее глазах выглядело аппетитнее, чем я. А может, я просто боялась разглядеть в этой кровавой каше что-то знакомое. Осторожно отступала назад, подальше от увлеченной пищей твари. И снова погрузилась в крошечную тишину абсолютного безлюдья.

Всего несколько месяцев назад я не знала, что такое тишина. Первые новости появились в феврале и сразу же прозвучали громом среди ясного неба. Возникшая эпидемия оказалась результатом научного эксперимента, проводимого в одной из секретных лабораторий в Подмосковье. К моменту огласки пострадавших насчитывалось несколько тысяч, и количество жертв быстро росло. До какого-то времени масштабы катастрофы пытались скрыть, но скоро наступил день, когда хранить молчание и дальше власти не могли. Зараженные животные, сбежавшие из лаборатории, передали вирус человеку. Инкубационный период составляет три-пять суток. Вирусологи так и не успели разработать вакцину. Карантинные мероприятия –

очень действенный способ, но не тогда, когда под карантин надо разместить крупнейший муравейник, мегаполис с невероятной концентрацией населения, узловой центр всей страны. И уже через две недели после огласки количество жертв исчислялось миллионами. Остановить распространение настолько масштабного рассадника заразы стало невозможно. И наконец-то, все страны, забыв про теперь казавшиеся незначительными политические и экономические распри, объединились, чтобы остановить общую угрозу. Еще когда работало радио, мы узнали, что ученые во Франции близки к созданию лекарства, что силовики со всего мира приезжают сюда, что используется самое новейшее оружие, что московские кварталы сжигаются целиком напалмом... Но остановить вирус даже общими усилиями так и не смогли, и теперь это только вопрос времени, когда погибнет весь континент. Северная Америка и Австралия задыхались от притока беженцев, которых помещали под обязательный карантин, но по последним полученным нами данным, воздушное сообщение между континентами было полностью прекращено. Разумное решение. Если к тому моменту не было слишком поздно. Еще разумнее было бы полностью уничтожить весь материк ядерными ударами, и судя по тому, что этого еще не сделано, такой способ уже не поможет. Меня теперь мало интересовало, что происходит где-нибудь в Канаде или передается ли вирус кенгуру. Голод сильно притупляет беспокойство о кенгуру.

Других тварей поблизости не было. Возможно, они ушли. Так обычно и происходило – сначала какой-нибудь приезжий приносил заразу, а вирус передавался очень легко, может быть даже от простого тактильного контакта. После инкубационного периода человек менялся, достаточно быстро превращаясь в тварь. И потом хотел только одного – есть. Они ели все, что дышало. Правда, вначале предпочитали незараженных и только потом переходили друг на друга. Но такая пища для них, похоже, была недостаточно хороша. Видимо, белков, жиров и углеводов не хватало. А может, и витаминов – кто их разберет? И вот тут только начинали включаться остатки их человеческого разума – выжившие, а значит, сильнейшие твари, объединялись в стаи и уже вместе отправлялись на поиски новых населенных пунктов. Новых белков, жиров и углеводов.

Я резко развернулась на звук. Тварь ползла ко мне, тяжело перебирая руками и волоча по земле нижнюю часть тела. Ее ноги были объедены. Так вот почему дамочка не ушла с остальными. Я прицелилась. Но потом, решившись, шагнула чуть ближе. Патронов слишком мало, я не могу раскидываться такой роскошью. И, почти вплотную приблизившись, выстрелила в лоб. Тварь даже не взвизгнула, рухнув мордой в песок. Вот оно – универсальное лекарство от болезни.

Похоже, твари совсем покинули дачный поселок. Это увеличило надежду, что родители до сих пор живы. Не найдя тут продуктов, они, возможно, взяли один из многочисленных брошенных автомобилей и поехали к ближайшему городу. Если все же было какое-то столкновение с тварями, они могут специально где-то выжидать инкубационный период, чтобы не вернуться ко мне зараженными. Это значит, что я должна ждать еще. Только бы поесть.

Три найденные полусгнившие картофелины были восхитительны! Но нутро отчего-то возмущалось все усиливающимися резкими болями. Настоящим кладом стал погреб в одном из домов. Какие-то люди, дай им черт быструю кончину, хранили там различные соленья-варенья. Я чуть слюной не подавилась, когда мне удалось разбить одну из банок с огурцами. Четыре часа поисков не прошли напрасно! Ведь совершенно случайно увидела дверцу в этот погреб, скрытую под столом, когда уселась на пол, чтобы передохнуть. Неудивительно, что никто, включая моих родителей, не наткнулся на нее. У нас редко в дачных строениях делают подвалы, и я еще раз заочно возблагодарила почивших хозяев за радушие. Остаток дня ушел на то, чтобы перетаскать аккуратно упакованные в мешки стеклянные банки и картошку в бункер. Живот от съеденного на голодный желудок болел невыносимо, но когда меня наконец-то

вырывало, стало чуть легче. Ну, хоть с водой проблем нет – неподалеку от нашего убежища есть ручей.

Прошло еще три недели, но они так и не вернулись. Теперь я уже каждый день выбиралась в дачный поселок в поисках еды и полезных вещей. Насущной необходимости в этом пока не было, но мне нужно было чем-то заняться. Каждый день я проводила в новом доме, перебирая вещи хозяев, придумывая их истории. Вот эта, владелица целой коллекции фарфоровых слоников, наверное, была путешественницей. А вот у хозяев этого дома были дети. Не меньше трех, судя по количеству сломанных игрушек. Собственник этого дома хорошо зарабатывал – дорогая посуда, качественная мебель, даже постельное белье из шелка! Очевидно, приезжал сюда с друзьями отдыхать, а не копать на грядках. Такие разные люди, такое разное прошлое. Но у всех одинаковое настоящее – они либо съедены, либо сами сейчас где-нибудь... что гораздо хуже.

Самое значимое, что со мной происходило – изменение шкалы страхов. Полгода назад я считала, что самое страшное – это смерть. Четыре месяца назад самым страшным казалось стать тварью. Месяц назад – потерять своих родных. А теперь самым страшным было одиночество. Я уже давно вслух говорила сама с собой, но внутренняя пустота только разрасталась, разъедала мозги, нарушала ход мыслей. Невозможно теперь было наверняка утверждать, что я не сошла с ума, а, может, уже давно стала тварью, но до сих пор об этом не догадываюсь, перебирая в сознании остатки своих человеческих воспоминаний? В наш домик я зайти так и не решилась. Все ценное оттуда мы забрали сразу, а находиться там, где невозможно не думать о родителях, я не хотела.

Закономерно пришло в голову и то, что пора отсюда уезжать. Бункер – отличное убежище, но скоро запасы закончатся, и мой дом станет гробницей. Если только одиночество не доконает меня раньше голода. Долго убеждать себя не пришлось. Я все же оставила записку для родителей, боясь себе признаться, что надежды на их возвращение больше нет. Ключи от транспортного средства нашла в одном из домов. В очередной раз заочно попросила прощения у отца, который пытался научить меня водить, но я не посчитала это необходимым. Ему все же удалось пару раз усадить меня за руль и показать основные приемы вождения. Этого явно было недостаточно, но и выбора теперь не было. Очевидно, пришло время пройти твой урок, пап.

Так. Сцепление, тормоз, газ. Медленно отпускаем одну педаль и нажимаем другую. Машина взбрыкнула и заглохла. Еще разок. У меня много времени. К тому моменту, когда удалось выехать из ограды, я успела несколько раз поцарапать старенькие жигули, но зато более-менее разобралась с переключением скоростей и задним ходом. Во мне погиб великий гонщик! Причем окончательно погиб. Потом перетаскала из бункера вещи и часть продуктов, оставив небольшой запас для родителей. И отправилась в светлое будущее умирающего или уже мертвого мира на первой скорости, подсакивая на каждой ухабине, но ощущая радостное биение сердца оттого, что наконец-то вырвалась из своей спасительной тюрьмы.

Через пару часов выехала на трассу и сверилась с картой. Решила ехать в сторону Москвы. Возможно, там мне удастся найти военных – настоящих говорящих людей, у которых, может быть, даже есть хлеб и мясо! Эта мысль вдохновила на риск, а именно – переключить скорость на вторую. Дорога прямая, асфальт ровный – все это заставило почувствовать себя увереннее. Еще через час машина странно затарахтела, а потом безжизненно затихла. После нескольких неудачных попыток завести мотор снова я не выдержала и разрыдалась. Уехать мне удалось не слишком далеко, поэтому я смогу вернуться и пешком. Но оставить тут свои запасы... Да и возвращаться назад, когда только-только сбежала из этого уже до тошноты надоевшего личного ада, не хотелось.

Я только здесь осознала, что лето уже вовсю разгорелось. Сумерки перекрашивали буйную листву на редких деревьях возле дороги, теплый ветерок приветливо ласкал кожу. Здесь все по-другому! Кроме тишины. У меня с собой достаточно теплой одежды и еды, а в машине я

смогу переждать непогоду. Рассудила, что тут у меня больше шансов встретить живых. Гораздо больше, чем в моем бункере или дачном поселке. Поэтому я осталась.

На третий день окружавший пейзаж казался уже более раздражающим, чем дачный поселок. Там я хотя бы могла находить какие-то вещи: несколько книг, старые фотографии и расстрепанную голую куклу, которая стала олицетворением чьего-то присутствия. Она и теперь сидела на первом сидении, мертвыми глазами уставившись в лобовое стекло. Отчаянье. Эта старая пластмассовая игрушка с ярко-зелеными немигающими глазами олицетворяла собой отчаянье и ничего больше. Я схватила ее и стала лупить по приборной панели, мстя за все, что со мной случилось. За то, что случилось с миром. Орала во всю глотку, размазывая рукавом по лицу слезы и сопли. Потом откинула куклу и схватила двустволку, приставила к горлу, едва дотягиваясь вытянутой рукой до курка. До меня только сейчас окончательно дошло, что родители не вернулись только потому, что их больше нет. Больше никого нет! И идти некуда. Я могу выбрать: вернуться в бункер и умереть там от голода и одиночества, или остаться тут, чтобы умереть от голода и одиночества. Тут нет даже тварей, которые разорвали бы меня на куски. Я бы и им обрадовалась, лишь бы уже хоть что-то произошло! Дуло больно вдавливалось в горло, но я вжимала его еще сильнее, заставляя себя чувствовать.

20 января. Нижний Новгород

Константин Георгиевич больше двадцати лет заведовал онкологическим отделением, но с подобным сталкиваюсь впервые. И даже не мог определить, что из произошедшего было более удивительным.

Пациентка Данченко Л.И. поступила в отделение 17 января. Диагноз: злокачественная опухоль легкого четвертой степени с отдаленными метастазами и раковым плевритом. Факторы, способствующие возникновению заболевания – курение, вирусные инфекции, ионизирующее излучение и другое – не выявлены. И сам по себе этот случай был крайне занимательным: пациентка проходила ежегодное медицинское обследование меньше месяца назад, никаких признаков рака на тот момент не обнаружено. Кашель начался только в первых числах января, после чего отмечено резкое ухудшение самочувствия, Данченко потеряла в весе десять килограммов. Болезнь, прогрессирующая такими темпами, в его практике встречалась впервые. Помочь пациентке ни Константин Георгиевич, да и ни один другой специалист оказать были уже не в силах.

На следующий день после госпитализации он решил сам навестить больную и снова увидел в коридоре ребенка. Дочь Данченко, которая приехала вместе с пациенткой на скорой ночью. Так и сидит возле палаты, в которую ее не пускают. Никто не удосужился позвонить в городской отдел опеки и попечительства? Если других родственников нет, то ребенок в любом случае станет сиротой буквально на днях. Константин Георгиевич не знал, что хуже – говорить с умирающими или с их чадами. Но иногда приходилось делать и то, и другое. Люди, не связанные с медициной, часто считают, что врачи – добрейшие существа на планете с необъятными сердцами. Нет, секрет в другом – профессия обязывает становиться циничными. В один момент Константин Георгиевич понял, что больше не может переживать каждую смерть, каждую проблему больных, как свою собственную. Врач либо становится циником, либо убегает с этой работы куда подальше, если не сразу в дурку. Константин Георгиевич до сих пор врач и до сих пор не в дурке, поэтому судьба этого ребенка и предстоящая кончина ее матери – неприятное для него, но вполне переживаемое событие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.